

На правах рукописи

Даваа Ундармаа

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЫДЕННОЙ  
СЕМАНТИКИ СЛОВ МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА  
МАТЕРИАЛЕ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ)**

10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ**  
**диссертации на соискание ученой степени**  
**кандидата филологических наук**

Кемерово 2018

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина»

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор Шкуропацкая Марина Геннадьевна

**Официальные оппоненты:**

**Дебрин Мишель**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»;

**Абдуллаева Фатма Эйваз кызы**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»

**Ведущая организация:** федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится «02» марта 2019 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650000, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета и на сайте <http://www.kemsu.ru>

Автореферат разослан \_\_\_\_\_ 2018 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте КемГУ: <https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-212-088-01/>

Ученый секретарь  
диссертационного совета



М. Н. Образцова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертационном исследовании «Сопоставительное исследование обыденной семантики слов монгольского и русского языков (на материале слов, обозначающих домашних животных)» представлены результаты сопоставительного изучения двух национальных языковых картин мира через описание обыденной семантики слов, обозначающих домашних животных, в русском и монгольском языках.

**Актуальность исследования** определяется его включенностью в современную антропологическую гуманитарную парадигму, связанную с описанием обыденной языковой и метаязыковой семантики и ее лексикографическим представлением. Обыденная семантика слова представлена в работе в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Лингвокогнитивная характеристика связана с описанием семантики слова, сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и монгольского языков. Ее лингвокультурологическая составляющая определяется включенностью слова в национальную языковую картину мира, представляющую собой форму отражения культуры в сознании носителей языка.

**Объектом** данного исследования является обыденная языковая семантика слов, обозначающих домашних животных, в русском и монгольском языках, **предметом** национально-культурное сходство и специфика значений данных слов в двух национальных языковых картинах мира.

**Цель исследования:** описание лексического и мотивационного типов обыденной семантики слов-зоонимов в русской и монгольской национальных языковых картинах мира, направленное на выявление их семантического сходства и национальной специфики.

**Задачи исследования:** 1) охарактеризовать современное состояние исследований по проблемам, связанным с изучением обыденного языкового сознания и национальной языковой картины мира;

2) путем лингвистического эксперимента выявить обыденные значения слов, обозначающих домашних животных, в русском и монгольском языках;

3) описать лексический и мотивационный тип обыденной семантики слов, представленные в разных формах репрезентирования: ассоциативной, дефиниционной и номинативно-ассоциативной, и определить характер участия каждого компонента в языковом сознании;

4) на основе полученных экспериментальных данных определить сходства и различия в обыденной семантике слов, обозначающих домашних животных, в двух национальных языковых картинах мира.

В основе работы лежит **гипотеза** о том, что ключевым фактором, обуславливающим как сходства, так и различия обыденной семантики слов в двух языка – русском и монгольском – является национальная языковая картина мира, зависящая от среды бытования конкретного этноса и от структуры этнического самосознания, связанного с земледельческим

характером культуры носителей русского языка и скотоводческим характером культуры носителей монгольского языка.

**Методика исследования** – лингвистический эксперимент. При составлении анкеты для эксперимента мы опирались на методику сбора материала, предложенную авторами Словаря обыденных толкований русских слов [СОТРС, 2012]. Экспериментальная анкета включала шесть заданий, которые были сформулированы в форме следующих вопросов:

1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии следующих слов?

2. Какие значения имеют следующие слова?

3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть следующие слова.

4. Какие предметы и явления могут быть названы следующими словами?

5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите следующие слова?

6. Как вы считаете, почему так названо явление, обозначенное следующим словом? Представленные в анкете задания ориентированы на актуализацию лексического и мотивационного типов семантики слов-стимулов, представленной в трех формах ее репрезентирования: ассоциативной, дефиниционной и номинативно-ассоциативной.

**Эмпирическая база исследования** составляет шесть тысяч ответов носителей русского языка на десять слов-стимулов (*верблюд, коза, корова, кошка, кролик, лошадь, овца, свинья, собака, як*) и шесть тысяч ответов носителей монгольского языка на десять слов-стимулов, эквивалентных русским словам (*тэмээ, хонь, нохой, үнээ, ямаа, муур, морь, гахай, туулай, сарлаг*). Полученный материал был обобщен в 120-словарных статьях, построенных по принципам, разработанным в «Ассоциативном словаре русского языка» под ред. Ю.Н. Караулова и в «Словаре обыденных толкований слов русского языка» под ред. Н.Д. Голева. Порядок следования форм репрезентации и типов значения следующий: результаты свободного ассоциирования, обыденное толкование значения, ассоциируемые фразы, ассоциируемые объекты названия, обыденная этимология, созвучные слов.

**Состав испытуемых.** В лингвистическом эксперименте приняли участие 100 испытуемых – студенты ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина» и Бийского технологического института (филиал ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный политехнический университет имени И.И. Ползунова»), а также 80 испытуемых – студенты Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) и 20 сельских жителей Ховдского аймака (Монголия).

**Теоретико-методологической базой исследования** послужила концепция обыденного языкового сознания и его проявления в ментальной сфере индивидуума и социума, разрабатываемая коллективом ученых Кемеровского государственного университета под руководством профессора

Н.Д. Голева. В данной концепции отдельный акцент делается на изучение метаязыкового плана обыденного сознания, в котором выделяются и рассматриваются лексический и мотивационный аспекты обыденной семантики слова. Исследование проводилось также с опорой на труды И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Е.В. Улыбина, А.Д. Шмелева, Н.В. Уфимцевой, Н.Д. Голева, А.Н. Ростовской, О.И. Блиновой, Л.А. Араевой, М.Р. Шумариной, Н.Б. Лебедевой, М. Дебрэнн, М.Е. Воробьевой, Ю.С. Волобуевой, Н.А. Николиной, С.В. Стеванович, Ж.И. Фридман, Н.Б. Готовой, Ф.Э. Абдуллаевой, Joseph F. Kess, Н. Нансалмы и др.; *в области психолингвистики*: Л.О. Бутаковой, Е.И. Горошко, Ю.Н. Караулова, А.П. Клименко, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, Ю.Н. Сорокина, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Е.Б. Трофимовой, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Н.В. Уфимцевой, Б. Чулуундоржа, D. Geeraets; *лингвокультурологии*: И.С. Брилевой, Н.П. Вольской, Д.Б. Гудковой, В.В. Красных, И.В. Захаренко, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова; *в области изучения языковой картины мира*: Н.Д. Арутюновой, Ж.А. Вардзелашвили, В.Е. Гольдина, Е.С. Кубряковой, Л.Б. Никитиной, З.Д. Поповой, О.А. Корнилова; *мотивологии*: О.И. Блиновой, Н.Д. Голева; *лингвистики языкового существования*: Б.М. Гаспарова; *теоретической лингвистики*: В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Н.И. Жинкина, В.А. Звегинцева, Ю.С. Степанова, Л.В. Щербы.

**Научная новизна** настоящей работы состоит в исследовании особенностей обыденной семантики слов, обозначающих домашних животных, в русском и монгольском языках. В лингвистический оборот был введен новый экспериментальный материал, полученный от носителей русского и монгольского языков. В работе была верифицирована комплексная экспериментальная методика описания фрагментов обыденного языкового сознания. Три формы репрезентирования семантики слов-стимулов позволили актуализировать лексический и мотивационный типы семантики слов. Были определены критерии для анализа семантического сходства и различия в обыденной семантике слов и выявлены семантические сходства и различия фрагментов двух национальных языковых картин мира.

**Теоретическая значимость** определяется вкладом в изучение такого многоаспектного и функционально разнообразного явления когнитивной области языка и речевой деятельности, как обыденное языковое сознание и метаязыковое сознание. В работе освещаются вопросы устройства и функционирования этого явления и особенности его изучения; внимание акцентируется на лексическом и мотивационном аспектах обыденной семантики слов.

Работа вносит вклад в изучение лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием. Результаты исследования значимы и для лингвокультурологии, исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. В работе было показано,

как лексика языка, понимаемая как языковая картина мира, является средством хранения и трансляции национальной культуры.

**Значение полученных результатов исследования для практики подтверждается тем, что** они могут быть применены в процессе создания разноязычных словарей обыденных толкований слов, тем самым способствовать решению прикладных вопросов лексикографирования обыденной семантики. Полученные результаты могут быть использованы в учебных курсах по теории языка, когнитивной лингвистике, сопоставительной лексикологии для студентов лингвистических специальностей.

**Достоверность результатов диссертационного исследования** подтверждается тем, что описание обыденной семантики слов в двух национальных языковых картинах мира построено на известных, проверяемых фактах, согласуется с научными публикациями по теме диссертации и опирается на анализ конкретного эмпирического материала.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Обыденная семантика слов является необходимой и важной формой ментального существования словаря в языковом сознании этноса.

2. Варианты лексикализованных интерпретаций мира домашних животных двумя этносами – монгольским и русским – представляют собой фрагменты национальных языковых картин мира, которые являются национально-специфической проекцией единого инварианта бытия, обладающей признаками как сходства, так и различия.

3. В формировании обыденных значений слов в обеих национальных языковых картинах мира важную роль играет сенсорно-рецептивный и логико-понятийный компоненты сознания, на основе которых формируются энциклопедический и утилитарный компоненты лексического значения слов. Совпадающими или близкими по значению являются семантические признаки, обозначающие внешние характеристики животных и особенности их поведения. К различающимся относятся характеристики животных, связанные со стойлово-пастбищным содержанием домашних животных у русского этноса и пастбищным содержанием животных у монгольского этноса, связанного с кочевым образом жизни данного народа.

4. В ассоциациях и обыденных толкованиях слов проявились следующие семантические признаки, общие для обоих этносов: утилитарные, внешние и функциональные характеристики животных и места их обитания (*лошадь* и *хонь*; *собака* и *нохой*; *кошка* и *муур*). Данные признаки образуют ядро ассоциативных и дефиниционных полей слов. Объем оценочных семантических признаков в ассоциативных и дефиниционных толкованиях слов невелик, однако именно на его долю приходятся основные различия в национальном мировидении. Различия могут быть связаны с характером оценки (например, отрицательной у слова *муур* и положительной у слова *кошка*).

5. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты («фразы») двух национальных языковых картин мира свидетельствует об их национально-

специфическом характере; сходством обладают некоторые номинативно-узуальные модели («название признака + *как* + название животного», «название изделия из шерсти животного» (в обоих языках), «название действия + *как* + название животного» (в русском языке) и «*как* + название животного + *которое* + название действия» (в монгольском языке).

6. Среди вторичных наименований, образованных от слов-зоонимов в обоих языках, встречаются слова, обозначающие лиц, артефакты и натурфакты, с преобладанием наименований лиц по характеру и поведению животных у носителей русского языка и наименований артефактов по имени животного, а также артефактов и натурфактов по размеру животного у носителей монгольского языка.

7. Все проанализированные лексические единицы в обыденном сознании носителей русского и монгольского языков обладают потенциалом мотивационного функционирования. Однако коэффициент мотивированности оказался достаточно низким, так как почти все слова являются синхронно не мотивированными. В обоих языках мотивационные реакции на слова-стимулы представляют собой шкалу, на одном полюсе которой находятся реакции, совпадающие с словом-стимулом только формально, на другом – реакции, обладающие с словом-стимулом семантической общностью.

8. При формальном ассоциировании носители обоих языков опираются, главным образом, на фонетический облик слова. Наиболее значимыми оказались две позиции – начало слова и ударный слог в слове, однако чаще носители языков опираются на ударный слог в слове.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения и результаты обсуждались на конференциях различного уровня: Бийск (2014; 2015; 2017; 2018); Кемерово (2015); Красноярск (2016); Светлогорск (2016); Улан-Батор (2016); Ховд (2014; 2018).

По теме исследования опубликовано 14 работ, из них 5 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в том числе 2 статьи опубликованы в изданиях, индексируемых в международных цитатно-аналитических базах Scopus и Web of Science.

**Личный вклад соискателя** заключается в постановке цели и задач исследования, в реализации комплексной экспериментальной методики сбора языкового материала и описания на его основе фрагментов национального обыденного языкового сознания, в представлении полученного языкового материала и его интерпретации.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** формулируются объект, предмет, цели, задачи, гипотеза и методы исследования, обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Обыденная семантика слов: проблемы изучения»** описываются основные подходы к изучению понятия «обыденное языковое сознание», связанных с ним понятий «обыденная семантика слов» и «национальная языковая картина мира».

В параграфе 1.1. **«Национальная культура и национальная языковая картина мира»** рассматривается вопрос о соотношении понятия «национальная языковая картина мира» (НЯКМ) с «образами» языка, методиками реконструкции языковой картины мира и тем языковым материалом, который при этом используется. В современной лингвистике представлено довольно много «образов» языка. В основных чертах они описаны в работе Ю.С. Степанова «Изменчивый «образ языка» в науке XX века» (Степанов, 1995). Мы придерживаемся формулы «язык как пространство мысли и как дом бытия духа», предложенной автором, вслед за М. Хайдеггером (Хайдеггер, 1988). В этом определении существенным для нас является возврат к поискам «сущности языка» и представление «образа языка» как «образа пространства» во всех смыслах – пространства реального, видимого, ментального, духовного. Широкое по своему содержанию понятие «национальная языковая картина мира» в нашем исследовании конкретизируется следующим образом: оно обозначает ментальные образы-концепты, в которых отражается опыт взаимодействия человека с феноменами внешнего мира (в нашем случае – с домашними животными) в процессе его социальной и коммуникативной деятельности. Двумя важнейшими факторами, определяющими содержание национальной языковой картины мира, является среда бытования этноса и национальная когнитивная база, понимаемая как система культурно детерминированных представлений, обязательных для всех представителей определенного национального лингвистического сообщества. В сознании человека внешний мир трансформируется в отраженную реальность, запечатленную в психологически реальных значениях слов национального языка.

В параграфе 1.2. **«Обыденное языковое сознание и его роль в формировании языковой картины мира»** рассматриваются сложившиеся в науке подходы к изучению понятия «обыденное языковое сознание», которое определяет границы интересующей нас когнитивной области речевой деятельности и языка. Подробным образом анализируется соотношение понятий «обыденное языковое сознание», «сознание», «языковое сознание», «знание», а также важные в плане нашего исследования определения обыденного сознания, приведенные в отраслевых словарях и энциклопедиях (психологических, социологических и философских); дается общее представление о сложной уровневой организации обыденного языкового сознания и различной ее характеристике в науке. Мы считаем, что обыденное языковое сознание является базовым в общей структуре языкового сознания. Оно участвует в формировании языковой компетенции. Будучи тесно связанным с речевой деятельностью, оно формирует неосознанный пласт языкового сознания, в котором произвольно отражаются как знание языка,

так и знания о мире, образующие его языковую картину. Мы придерживаемся мнения, что обыденное языковое сознание имеет многокомпонентную структуру и включает в себя сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный компоненты. В построении национальной языковой картины мира участвуют все компоненты языкового сознания: объект внеязыкового пространственно-временного континуума (термин О.А. Корнилова) воспринимается органами чувств, логически осмысливается, получает первичную эмоциональную оценку, а затем и вторичную, более глубокую – ценностную.

В параграфе 1.3. **«Обыденная семантика слова: проблемы описания»** раскрываются подходы к изучению семантики слова. В своем исследовании мы опираемся на психолингвистическое представление о семантике слова, в которой отражаются личностные знания и переживания индивидов, контролируемые и согласуемые с социально признанными системами значений, норм и оценок.

Моделирование образов языкового сознания носителей двух языков в нашем исследовании осуществляется через описание концептного значения слова (термин Н.Д. Голева), противопоставленного его нормативному значению, зафиксированному в обычных толковых словарях. Концептное значение слова включает в себя весь объем семантических признаков, отражающих бесконечный опыт взаимодействия социума и индивида с референтом слова. В сознании носителей языка семантика слова может быть репрезентирована в разных формах, с разной степенью полноты и точности.

При сопоставительном изучении семантики слов разных языков следует учитывать нетождественность вербальной категоризации, благодаря которой реальная деятельность носителей разных языков получает различное языковое членение.

Вписывая свое исследование в первой главе в общетеоретический контекст изучения обыденной языковой семантики слов, в двух последующих главах мы стремимся к практическому, а именно, экспериментальному решению следующих задач: 1) описанию концептных значений слов-зоонимов в русском и монгольском языках, представленных в эксперименте в трех формах репрезентирования; 2) выявлению сходства и национальной специфики данных значений на основе сопоставительного исследования двух национальных языковых картин мира.

Вторая глава диссертационного исследования **«Экспериментальное исследование лексического типа обыденной семантики слов-зоонимов русского и монгольского языков»** посвящена сопоставительному анализу лексического плана обыденных значений слов-зоонимов в русском и монгольском языках, представленного в ассоциативной (ассоциации слов и фраз) и дефиниционной формах репрезентирования.

В параграфе 2.1. **«Ассоциативная репрезентация обыденной семантики слов»** представлены результаты анализа ассоциаций, полученных от носителей монгольского и русского языков на слова-стимулы,

обозначающие домашних животных. Обработка собранного материала включала в себя следующие этапы: 1) построение ассоциативного поля слова-стимула; 2) семантическая интерпретация ассоциаций и 3) полевой анализ полученных семантических признаков. Реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, были сгруппированы по семантическому признаку и затем подвергнуты анализу с точки зрения отражения в обыденной семантике слова того или иного компонента обыденного сознания носителей языка. В результате были выявлены следующие макрокомпоненты значения: энциклопедический и утилитарный, связанные с сенсорно-рецептивным компонентом сознания; нормативный, отражающий логико-понятийный компонент; оценочный, связанный с эмоционально-оценочной сферой сознания; социально-культурный компонент значения, являющийся отражением ценностно-нравственного компонента обыденного сознания. Анализ ассоциативных значений слов, выполненный на всем объеме языкового материала, показал, что значительную роль в формировании ассоциативных значений слов-зоонимов играет сенсорно-рецептивный компонент, под влиянием которого формируется энциклопедический и утилитарный компоненты лексических значений слов. Доля ассоциаций, связанных с эмоциональной и нравственной оценкой невелика, однако именно они определяют специфику национального мировидения. Например, 33,6% объема ассоциативного поля слова *кошка* составляют реакции, прямо или косвенно выражающие положительную оценку животного (например, *ласка, нежность, уют, мягкая, доброта, милая*). В ассоциативном поле слова *муур* (кошка), напротив, 18,1% составляют реакции с отрицательной оценкой (*муухай* (плохой), *аймар* (страшная), *айх* (бояться) и др. Самыми многочисленными в ассоциативных полях слов в обоих языках являются ассоциации энциклопедического характера, однако их объемы существенно различаются в разных национальных языковых картинах мира. Например, у слова *тумээ* (верблюд) этот объем составляет 59%, а у слова *верблюд* – 30,6%. Различна также степень дифференциации этих значений. Например, энциклопедический компонент слова *тумээ* представлен 41-ой различной реакцией, а в ассоциативном поле слова *верблюд* таких реакций только 27, в ассоциативное поле слова *туулай* (кролик) входит 35 различных реакций, а в ассоциативное поле слова *кролик* их только 19. В результате сопоставительного анализа двух национальных языковых картин мира были выявлены зоны тождества (совпадения) и зоны контраста (различия) ассоциативных признаков. В зону тождества входят ассоциации, обозначающие внешние признаки животного, особенности его поведения. В зону контраста в русской языковой картине мира входят ассоциации, связанные с оседлым образом жизни народа и характером содержания животного, с культурными артефактами; в монгольской языковой картине мира – ассоциации, связанные с кочевым образом жизни народа и признаками плодородия животного.

В параграфе 2.2. «**Дефиниционная репрезентация обыденной семантики слов**» представлены результаты анализа метаязыковой деятельности носителей монгольского и русского языков, получившей отражение в обыденных толкованиях слов (метаязыковых рефлексивах), обозначающих домашних животных.

Сопоставительный анализ обыденных толкований монгольских и русских слов со словарными толкованиями выявил как общие, так и различные признаки. В обыденных толкованиях слов в русском языке общими со словарными толкованиями являются признаки, обозначающие животное по половому признаку, по принадлежности к классу или подклассу, по месту обитания, по функции, по продукту питания, получаемому от животного. В обыденных толкованиях слов в монгольском языке такими признаками являются внешние и внутренние свойства животного, их количественная, функциональная и оценочная характеристики. Анализ дефиниционной формы репрезентации лексического значения слова показал, что, по сравнению со словарными толкованиями, в обыденных толкованиях преобладает чувственное начало, способствующее расширению интерпретационного поля значения, что проявляется в разнообразии используемых стратегий толкования (дефиниционная, ассоциативная) и в их смысловой вариативности.

В обыденных толкованиях слов-зоонимов, общими для носителей обоих языков, являются следующие признаки: утилитарные характеристики животного (например, «дает молоко» (*коза* и *ямаа*); характерные свойства животного (например, «выносливое, терпеливое животное» (*верблюд* и *тэмээ*, *лошадь* и *морь*); характеристика места обитания животного (например, «гора» (*як* и *сарлаг*), оценочная характеристика животного (например, «красивое, грациозное животное» (*лошадь* и *морь*). Эти же признаки относятся к различительным в обыденных толкованиях слов, обозначающих других животных.

В параграфе 2.3. «**Сопоставительный анализ ассоциативной и дефиниционной форм репрезентации обыденной семантики слов-зоонимов в русском и монгольском языках**» показано, что четкие границы между двумя формами репрезентации значения отсутствуют. Более того, в обыденных толкованиях они тесно взаимосвязаны. Вместе с тем, ассоциативная и дефиниционная форма репрезентации слов различаются, что связано с разной аспектуализацией содержания слов в разных формах репрезентирования. Если обыденные толкования стремятся предать содержанию понятийный статус, расчленить значение на составляющие его признаки, каждый из которых является ядерным, то ассоциативная форма стремится представить содержание в нерасчлененной наглядно-чувственной форме. Например, при толковании слов *корова* и *унээ* совпадающими оказались следующие признаки: «крупный рогатый скот», «дает молоко», «с рогами», «животное, которое выращивают для получения мяса», «парнокопытное». К различающимся признакам в русском языке относятся «животное», «домашнее», «разводится в сельском хозяйстве», «пасется на

лугу»; «животное, из молока которого делают сыр, творог»; «травоядное»; «жвачное»; «животное, которое является священным в Индии»; в монгольском языке – «разновидность дойного скота», «полезное животное», «спокойное и медлительное животное», «животное, приносящее хозяину счастье», «мычит», «из молока которого получают вкусную простоквашу», «с большим животом», «ленивое». Как в видно, к общим признакам в обоих языках относятся признаки, выражающие утилитарное отношение человека к животному; к различающимся относятся признаки, характеризующие животное по врожденным или приобретенным качествам, свойствам и функциям, а также признаки, передающие эмоционально-оценочное отношение к животному.

При сопоставлении ассоциативных полей двух слов в зону тождества вошла ассоциация с прагматической семантикой: *молоко* с частотностью 65 – в ассоциативном поле *корова* и 31 – в ассоциативном поле слова *үнээ*. К различающимся ассоциациям в ассоциативном поле слова *корова* относятся *деревня, коровник, луг, пастбище, колокольчик, плетка, здоровье, детство; кормилица; Буренка, реклама шоколада «Милка»*; в ассоциативном поле слова *үнээ* к различающимся относятся ассоциации (*тарган* (упитанный), *бүдүүн* (толстый); *номхон* (спокойный), *тайван* (тихий)); (*малын дундаас хамгийн сайхан нь* (самое красивое животное); (*Үхэргүй хүн намрын цагт гутамшиг* (стыдно человеку осенью, у которого нет коровы), *Сааж байгаа үхэр мэт* (как дойная корова). Несовпадающие ассоциации связаны с разным характером содержания животного у двух этносов, а также с различными культурными коннотациями.

В параграфе 2.4. «**Функционирование коммуникативных фрагментов в обыденном языковом сознании носителей русского и монгольского языков**» представлены результаты исследования функционирования коммуникативных фрагментов (далее – КФ) в языковом сознании носителей монгольского и русского языков. Под КФ понимается «целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне»<sup>1</sup>. КФ, несмотря на свою непосредственную заданность и узнаваемость, обладают подвижностью, делающей их способными к бесконечным модификациям в различных условиях употребления. Приведем пример КФ, выявленных в полях «фразы» слов *собака* и *нохой* (в примерах сохранена авторская пунктуация и орфография). Собака: 1) *злая как собака (злой как собака); злая собака*; 2) *верный как собака; верный друг (верный друг человека)*; 3) *лает как собака (лается, как собака); собака лает*; 4) *собачья преданность; много шума из ничего, зато преданней собаки нет; собачья верность*. Нохой: 1) *нохой – сайн үнэнч нөхөр* (собака – хороший и верный друг); *нохой бол үнэнч мьтан* (собака – преданное животное); *нохой шиг үнэнч* (верный, как собака); 2) *нохой бол*

<sup>1</sup>Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996. – С. 118.

*хөөрхөн амьтан юм* (собака – это милое животное); *нохой хөөрхөн амьтан* (собака – милое животное); 3) *хоточ нохой* (сторожевая собака); *ухаантай хоточ нохой* (умная сторожевая собака); 4) *нохой хамгийн сайн эзнээ хамгаалдаг* (собака – самый лучший охранник хозяина); *нохой хотондоо эзэндээ ээлтэй* (собака приносит удачу хозяину); *нохой эзнээ манадаг* (собака сторожит хозяина).

КФ хранятся в вербальной памяти носителей языка в виде слов, словосочетаний, предикативных единиц, нормативно-узуальных моделей. Данный вывод подтверждается наличием четырех способов представленности КФ в ассоциативных реакциях носителей русского языка: в виде словосочетаний (*тупая овца; овечья шерсть*), предикативных сочетаний (*верблюд имеет два горба*), оборотов, являющихся реализацией нормативно-узуальной модели (*ходишь как корова, скачешь как коза*); и пяти способов представленности КФ в ассоциативных реакциях с носителями монгольского языка: в виде трех разновидностей словосочетаний (*хоточ нохой* (сторожевая собака), *хонины ноос* (шерсть овцы), *хонь алах* (резать овцу)); в виде предикативного сочетаний *ах хонь хариулж байна* (брат пасет овец); сочетания слов, являющегося реализацией нормативно-узуальной модели с союзом *шиг* (как) (*яргуй хөөсөн ямаа шиг идэх зүйлийн хойноос* (идти за едой, как коза за подснежниками)).

Существование коммуникативных фрагментов в сознании говорящих в качестве единиц их языкового опыта протекает в виде динамического равновесия, благодаря чему они способны претерпевать различные изменения (трансформации), направление которых определяется решением коммуникативной задачи и обеспечивается в обоих языках деривационными механизмами.

Анализ концептного содержания КФ в двух национальных языках показал, что для носителей русского языка важными являются характеристики признаков, качеств и свойств животного (*горбатый как верблюд; злая как собака; толстая как корова; трусливая как овца*), исконная или приобретенная функция (*плюется как верблюд, а пьет, как лошадь; лает как собака; скачешь как коза*) и эмоционально-оценочное отношение к животному (*глупый, как овца; бестолковая как овца; верный как собака; ах, ты бедная овечка*). Такая ориентация получила отражение в составе ценностных установок, которые проявились в стереотипных сравнениях с животными, употребляемых носителями русского языка для описания человека. Это физические качества и состояния, психические характеристики личности, ее отношение к самой себе и другим людям. Национальная специфика монгольского языка состоит в том, что в ядре когнитивной структуры, получившей отражение в КФ, находятся признаки, характеризующие утилитарное отношение человека к животному: действия человека, связанные с животным (*тэмээнд ачих* (грузить на верблюда), *аав хонь гаргав* (папа зарезал овцу)), исконная или приобретенная функция самого животного (*ямаа яргуй иддэг* (коза ест подснежник), места их обитания (*хонь бол бэлчээрт сайхан нутаглаж явдаг*

(овца хорошо пасется на пастбище), *уулаар налайсан ямаан сүрэг* (стадо коз по всей горе)) и продукты, получаемые от животных. Эмоционально-оценочное отношение к животному (*нохой – сайн үнэнч нөхөр* (собака – хороший и верный друг), *нохой хөөрхөн амьтан* (собака – милое животное), *тэмээ өндөр сүрлэг сайхан амьтан* (верблюд – высокое, великолепное и красивое животное)) находится на периферии данного фрагмента национальной языковой картины мира. В составе сравнительных характеристик человека с домашними животными у носителей монгольского языка также преобладают физические характеристики (*ямаа шиг жижиг* (маленький, как коза), *ямаа шиг урт сахалтай* (длинные усы, как у козы), *хонь шиг тарган* (полный, как овца)) и особенности поведения человека (*яргуй хөөсөн ямаа шиг идэх зүйлийн хойноос* (идти за едой, как коза за подснежниками)). В отличие от сравнений в русской национальной картине мира, в монгольских сравнениях содержится в основном нейтральная и положительная оценка человека.

В третьей главе «**Экспериментальное исследования мотивационного типа обыденной семантики слов-зоонимов русского и монгольского языков**» содержится сопоставительный анализ мотивационного плана обыденной семантики слов-зоонимов в русской и монгольской НЯКМ, представленного в номинативно-ассоциативной (объекты наименования) и ассоциативной (созвучия и этимология) формах репрезентирования.

В параграфе 3.1. «**Объекты названия, ассоциируемые со словами, обозначающими домашних животных**» представлен сопоставительный анализ вторичных номинаций от слов-зоонимов в монгольском и русском языках.

На основе анализа материала были выявлены семь принципов номинации, среди которых наиболее продуктивными оказались наименования артефактов «по имени животного» и наименования артефактов и натурфактов «по размеру животного». Все остальные принципы номинации («по отношению к животному в целом», «по форме тела животного», «по характеру животного и его поведению», «по окраске животного», «по внешнему сходству») можно отнести к периферийным.

Среди способов номинации вторичных образований наиболее продуктивными являются метафора, например, «животное» - «человек», «животное» - «артефакт», «животное» - «натурфакт»; символический перенос имени животного, например, «название животного» – «название года по восточному календарю», «название животного» - «знак зодиака», «название животного» - «название одной стороны кости в монгольской игре Шагай». К периферийным способом номинации относятся метонимия, например, «животное» - «шерсть, пух», «животное» - «ткань и изделие из ткани» и сужение значения, например, «животное» - «самка животного».

Среди вторичных номинаций в номинативно-ассоциативных полях русских и монгольских слов встречаются слова трех основных ономазиологических классов субстантивной лексики: лица, артефакты и натурфакты. Отличие заключается в различной степени продуктивности их

образования в данных языках. Среднее количество слов, относящихся к классу лиц в русском языке, превышает количество слов этого же класса в монгольском языке на 2,32 %, а количество слов класса артефактов превышает на 18,28%. Вместе с тем, монгольских слов, обозначающих натурфакты, оказалось больше на 12,02%, чем слов, относящихся к данному ономаσιологическому классу в экспериментальном материале на русском языке.

Анализ принципов номинации артефактов носителями монгольского и русского языков с целью исследования роли национального фактора доказывает, что характер номинации на различных этнических территориях в основном совпадает. Совпадение направления номинативно-ассоциативной деятельности можно объяснить одинаковой представленностью одних и тех же домашних животных в разных районах Центральной Азии (на Алтае и в Монголии), одинаковым включением домашних животных в хозяйственную практику человека. Совпадение может быть вызвано также объективными закономерностями обыденного восприятия и обозначения предметов естественной номинации. Основные различия касаются продуктивности принципов номинации. Они, на наш взгляд, обусловлены этнокультурными факторами. Привлечение данных двух языков позволило увидеть национальную специфику культурного слоя семантики слов, которая проявилась как на уровне словарной системы языков, так и на уровне обыденного сознания носителей языков в их номинативно-ассоциативной деятельности.

В параграфе 3.2. «**Мотивационная семантика русских и монгольских лексем, обозначающих домашних животных**» рассматривается обыденное этимологическое значение слов-зоонимов. Приведем пример ассоциативных полей, полученных в эксперименте, со словом *як* в русском языке и *сарлаг* в монгольском языке.

*Як: потому что большой (большой) 7; потому что якает (якает) 3; рогатый 2; большое животное 2; большой, крупный, злой, страшный; бряк; быстрый; выносливый и большой; звук, который издает это животное; иноязычное происхождение; лохматый, с длинной шерстью; мощный, тяжелый, упорный; мясо; не знаю; непонятное; от грянья; пленит как якорь; потому что он косматый, длинные рога до 95 см, тяжелая голова; рога; сильный, тяжелый; сомолёт; также сильно бьёт как коньяк; чтобы запомнить; что-то большое, необъятное; я 1.*

*Сарлаг: мал учираас (потому что животное) 3; урт үстэй болохоор (потому что с длинными волосами) 2; мах, сүү өгдөг учраас (потому что дает мясо и молоко); сагсар учир (потому что развесистый); сонин цариятай, сонин амьтан болохоор (потому что странное лицо и странное животное); сүрлэг амьтан болохоор (потому что великое животное); үстэй учраас (потому что с волосами) 1.*

Исследование мотивационных рефлексий, полученных в ходе направленного эксперимента, позволили выявить мотивационные характеристики слов в аспекте их нормативности.

Все проанализированные слова-стимулы обладают потенциалом мотивационно-ассоциативного функционирования, в результате чего образуется содержательно разнообразные ассоциации, зачастую окрашенные субъективным отношением к ним испытуемых. Отметим, что реакции находятся в разных отношениях к слову-стимулу. Значительная часть этих ассоциаций является собственно семантическими. Например: *як: потому что большой (большой)*; *сарлаг: мал учираас* (потому что животное). Другие ассоциации относятся к формально-семантическим: например, *як: потому что якает (якает)*; *сарлаг: сагсгар учир* (потому что развесистый). Формальные ассоциации, такие как *бряк* в ассоциативном поле слова *як*, мы рассматриваем в числе формально-семантических, придерживаясь мнение о том, что «о существовании чисто формальных ассоциаций следует говорить с достаточно степенью условности, поскольку в контексте формальная ассоциация получает семантическое наращение, не противоречащее общему смыслу высказывания»<sup>2</sup>.

В качестве материала были взяты слова, не обладающие синхронной мотивированностью, поэтому в эксперименте носители языка выдвигали в каждом конкретном случае ряд этимологий, носящих условный, предположительный, гипотетический характер, выражающих неуверенность автора в своей гипотезе, проблематичность выдвинутого этимологического решения. Информанты испытывали определенные трудности, пытаясь связать значение выделяемых в слове морфем с семантикой других слов, близких по звучанию.

Для всех слов-стимулов мы рассчитали коэффициент мотивированности, коэффициент отказа от ассоциирования и коэффициент разнообразия формально-семантических реакций<sup>3</sup>. Каждое слово обладает потенциалом мотивационного функционирования, однако реализуется этот потенциал у различных слов по-разному, с разной силой, в разных формах: например, коэффициенты мотивированности русских слов составили шкалу от 0,029 (*як*) до 0,377 (*лошадь*); монгольских слов – от 0,038 (*тэмээ* «верблюды») до 0,349 (*муур* «кошка»).

Сила мотивационного потенциала слова коррелирует с такими его онтологическими характеристиками, как мотивированность и членимость, которые мы определяем как существенные предпосылки реализации этого потенциала. Вместе с тем сама его реализация не всегда может быть сведена к

---

<sup>2</sup>Голев Н.Д. Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. – 2012. – Вып. 2. – С. 21.

<sup>3</sup>Все коэффициенты были рассчитаны с опорой на работу О.Н. Пересыпкиной Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты): автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998. – 23 с.

данным предпосылкам, так как его природа является функциональной, а онтологические свойства слова по своей природе являются системными.

Средний коэффициент отказа оказался достаточно высоким для всех анализируемых слов (в русском языке – 0,584; в монгольском языке – 0,521), а средний коэффициент мотивированности для всех слов оказался достаточно низким (в русском языке – 0,232; в монгольском языке – 0,174).

По степени семантической общности между стимулом и реакцией все ассоциации представляет с собой некоторую шкалу, на одном полюсе которой находятся десемантизированные реакции, совпадающие со словом-стимулом только формально, а на другом полюсе находятся реакции, обладающие семантической общностью со словами-стимулами. Данная общность связана с различными характеристиками животного (его размером, формой и цветом тела, поведенческими характеристиками, местом содержания, особенностями питания и звучания и другими), а также с оценочной характеристикой животного человеком.

Отметим, что разнообразие функционально-семантических реакций в ассоциативных полях слов может быть различным. С одной стороны, оно может быть достаточно высоким, что усиливает момент субъективности мотивации, например, слова *як, коза, свинья, кролик* в русском языке и слова *хонь, гахай* в монгольском языке. С другой стороны, разнообразие реакций может быть низким, что усиливает момент объективности (стереотипности) мотивации, например, *верблюд, лошадь* в русском языке и *муур, ямаа* в монгольском языке.

Параграф 3.3. «Сопоставительный анализ звуковых ассоциаций слов, обозначающих домашних животных в монгольском и русском языках». На основании экспериментального материала были составлены ассоциативные поля, получившие условное название «созвучия», в составе которых были обнаружены следующие группы ассоциаций: формально-семантические (ФСА), формальные (ФА) и семантические ассоциации (СА). Приведем примеры таких ассоциаций в ассоциативных полях *верблюд* и *тэмээ*.

*Верблюд*: ФСА: верблюжий (верблюжье; верблюжья) 5; верблюд – верблюдик; верблюденек; верблюדותь; верблюжатица; верблюжий пух; верблюжонок (всего 11);

ФА: *блюдо* (*блюду; блюд*) 31; *верба* 9; *вера* 6; *блюדותь; блюдце* 2; *муоблюд; соблюдать; ублюдок; вербочка; (верить, что ему скоро дадут покусать); верх; вершина; бордюр; бурдюк; ведро; велосипед; вера в блюдо; вербл; вертолет; высь; горб; любитель; любить; люд; салют; этюд; не идут; пруд* (всего 73);

СА: *вода; люди; пить* 3; *два горба* (*про одногорбого знают не все*); *плюет; пустыня* 2; *большой; жара; можно ездит верхом; монголы; плевать; плюнуть* (всего 21);

*Тэмээ*: ФСА: *тэмээгээ* (своего верблюда); *тэмээн жин* (караван); *тэмээчин* (пастух верблюдов) 3;

ФА: *эмээ* (бабушка) 36; *тиймээ* ? (да?) 13; *ямаа* (коза) 3; *эмээх* (не сметь); *дэмээ* (псевдослово); *мэмээ* (псевдослово); *гэмээ* (псевдослово); *нэмнээ* (покрывало); *гэнээ* (псевдослово); *элээ* (коршун); *энээ* (псевдослово); *Түмээ* (имя человека); *тамаа* (псевдослово); *томоо* (псевдослово); *тэжээ* (корми); *тэлээ* (ремень для брюк); *тэнхээ* (мощь); *тэгнээ* (буду делать так); *тэвчээр* (терпение); *тээ* (сокращенная форма слова тийм – да); *тээх* (перевозить); *тээвэр* (перевозка); *тээрэм* (мельник) 2; *тэвнэ* (большая иголка); *тэрэг* (телега); *тэнгэр* (небо); *тэнэх* (шататься); *тэрлэг* (национальный тонкий костюм); *тэвэг* (тоска); *тэнхлэг* (ось); *тэнэмэл* (бородячий); *тэмдэг* (значок); *тэм* (псевдослово); *тэмбүү* (сифилис); *Тэмка* (уменьшительно-ласкательное имя человека Тэмүүжин); *тэр* (он, она, оно); *тэх* (дикая коза); *тэвш* (корыто); *тэнц* (соответствуй); *эм* (лекарство); *тэмээн хяруул* (страус); *тэмээлзгэнэ* (стрекоза) (всего 111);

СА: 0

Анализ всего корпуса звуковых ассоциаций, полученных в эксперименте, позволяет сделать следующие выводы. Появление формальных и формально-семантических ассоциаций, которых оказалось большинство, было обусловлено направленностью самого эксперимента. Семантические ассоциации могли быть вызваны утратой словом потенции функционирования на мотивационно-ассоциативном уровне или результатом не включения по разным причинам механизма морфемно-мотивационного анализа.

При анализе формальных ассоциаций мы использовали методику идентификации слова-стимула путем опор на различные мотивирующие элементы его формальной организации, предложенную Т.Ю. Сазоновой<sup>4</sup>. Выделялись следующие стратегии: опоры на фонетический образ слова, опоры на графический образ слова, опоры на морфологический образ слова. Было обнаружено, что ассоциирование носителями обоих языков осуществлялось на все виды опор, однако в разных их соотношениях. Преобладающим в монгольском языке оказалось ассоциирование с опорой на фонетический облик слова, которое в 3 раза превысило ассоциирование на морфологический образ слова. В русском языке количество ассоциаций, опирающихся на фонетический и графический образ слова, превысило количество морфологических ассоциаций в 2 раза.

Анализ ассоциаций с учетом их совпадений с той или иной частью слова-стимула показал, что наиболее значимыми для такого ассоциирования являются две позиции: начало слова и ударный слог в слове. В обоих языках больше всего формальных ассоциаций было связано именно с этими позициями. Вместе с тем, в обоих языках количество ассоциаций, совпавших с ударным слогом в слове, превысило количество ассоциаций, совпавших с

---

<sup>4</sup>Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование стратегий и опор идентификации слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog\\_model/sazonova.pdf](http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf)

Сазонова Т.Ю. От слова к смыслу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/003-13.pdf>

начальными буквами (звуками) в слове. В монгольском языке таких ассоциаций оказалось больше в 0,7 раза, в русском языке – в 1,5 раза. Таким образом, носители обоих языков при формальном ассоциировании чаще всего опираются на ударный слог в слове.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сделаны выводы и обозначены перспективы дальнейшего развития данной темы. Проведенный лингвистический эксперимент с участием рядовых носителей русского и монгольского языков подтвердил нашу гипотезу о наличии как сходства, так и различия обыденной семантики слов, обозначающих домашних животных в русском и монгольском языках. Обыденные значения слов складываются в национальную языковую картину мира, которая зависит от среды обитания конкретного этноса и от особенностей национального мировидения, этнического самосознания, связанного с особенностями культуры. Экспериментальная методика была направлена на выявление лексического и мотивационного аспектов обыденного значения слов. Лексический компонент значения в эксперименте был репрезентирован в ассоциативной и дефиниционной формах. Анализ ассоциаций показал, что в формировании лексической составляющей обыденного значения слов в обоих языках важную роль играет сенсорно-рецептивный компонент сознания, на основе которого формируются утилитарный и энциклопедический компоненты лексических значений слов. Совпадающими или близкими по значению в обоих языках являются компоненты, выражающие внешние характеристики животного или особенности его поведения. Различающимися являются ассоциации, обозначающие особенности содержания животного, связанные с оседлым образом жизни народа и с земледельческим характером культуры, а также культурные артефакты – в русском языке; ассоциации, обозначающие характер взаимодействия с животными, обусловленный кочевым образом жизни и скотоводческим характером культуры монгольского этноса, и признаки плодородия – в монгольском языке.

Анализ субъективных толкований слов в двух языках показал, что между двумя формами репрезентирования нет четкой границы. Вместе с тем, носители обоих языков в дефинициях стремятся придать содержанию понятийный статус, представить его как пучок признаков, а в ассоциациях стремятся представить содержание в нерасчлененной образной форме. При этом в обеих формах репрезентации значений получили отражение одни и те же семантические признаки.

Анализ полученных в эксперименте фраз показал, что носители обоих языков использовали в основном различные репродуктивные средства (прецедентные тексты и коммуникативные фрагменты). Данные средства участвуют в формировании ценностного универсума языковой личности и часто служат средством оценки и мотивации тех или иных явлений действительности. Концептуальный анализ, выполненный с опорой на их содержание, показал различия в ценностных установках носителей двух НЯКМ.

Мотивационный компонент обыденной семантики слов в эксперименте был репрезентирован в номинативно-ассоциативной форме. Экспериментальное исследование вторичных номинаций от слов-зоонимов показало, что среди них в обеих национальных языковых картинах мира встречаются слова, обозначающие лиц, артефакты и натурфакты. В русской языковой картине мира наиболее продуктивными являются наименования человека по характеру и поведению животного, в монгольской национальной языковой картине – наименования артефактов по имени животного, а также артефактов и натурфактов по размеру животного.

Наиболее близкими оказались результаты анализа слов в мотивационном аспекте. Для ассоциирования по созвучию слов в обеих НЯКМ наиболее значимыми являются позиции начального и ударного слога в слове, однако чаще носители языков опираются на ударный слог в слове. Анализ этимологических ассоциаций показал, что значительную их часть составили семантические ассоциации, связанные с лексическим значением слов. Это обусловлено тем, что в качестве стимулов были взяты слова, не обладающие синхронной мотивированностью.

Перспективой исследования является продолжение изучения обыденных значений других групп природной лексики в двух языках, выявление общих закономерностей их языкового толкования. Также планируется создание Сопоставительного словаря обыденных толкований русской и монгольской лексики природного мира.

Диссертация завершается **приложением**, в котором содержатся образцы ассоциативных полей слов, обыденных толкований, полей фраз и объектов наименования, а также результаты анализа экспериментального материала, представленные в табличном варианте.

### **Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:**

#### Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

1. Ундармаа Даваа. Ассоциативная характеристика наименований животных в русском социуме / Даваа Ундармаа, М.Г. Шкуропацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 132-134.

2. Ундармаа Даваа. Экспериментальное исследование языковой картины мира русских и монголов в сопоставительном аспекте (на основе субъективного дефинирования слов, обозначающих домашних животных) / Ундармаа Даваа // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 233-239.

3. Шкуропацкая М.Г. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. – № 1 (39). С.80-95.

4. Шкуропацкая М.Г. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты как способы фиксации языкового сознания носителей монгольского и русского языков (на материале слов-зоонимов) / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // Филология и человек. – 2017. - № 3 (17). – С. 84-101.

5. Шкуропацкая М.Г. Национальная языковая картина мира и ее отражение в речемыслительной деятельности носителей монгольского и русского языков (сопоставительное исследование) / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 141-156.

Публикации в сборниках трудов и  
материалов всероссийских и международных конференций

6. Ундармаа Даваа. Обыденное языковое сознание и способы его описания [Текст] / Ундармаа Даваа // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Выпуск 3 / отв. ред. У.М. Трофимова; Алтайск. Гос. акад. Образ. Им. В.М. Шукшина – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – С. 45-50.*

7. Ундармаа Даваа. Ассоциативные характеристики наименований животных в русском социуме / Ундармаа Даваа // *Язык, культура и межкультурная коммуникация. IV Международная научно-практическая конференция (19-20. 09. 2014). Ховд, 2014. – С. 133-136.*

8. Ундармаа Даваа. Мир животных в языковом сознании русских и монголов / Ундармаа Даваа, М.Г. Шкуропацкая // *Central Asian Journal of Basic and Applied Research. – №3. — 2015. – С. 19-45. – URL: <http://asia-journal.ru/undarmaa-cajbar-3-2015/>*

9. Ундармаа Даваа. Сопоставительное изучение языкового сознания носителей монгольского и русского языков (к постановке проблемы) / Ундармаа Даваа // *Художественное образование: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (Бийск, 5 ноября 2015 г.). – Бийск, 2015. – С.16-18.*

10. Ундармаа Даваа. Национальная языковая картина мира как компонент речемыслительной деятельности монгольской и русской языковой личности в сопоставительном аспекте / Ундармаа Даваа, М.Г. Шкуропацкая // *Перевод и сопоставительная лингвистика: Периодический научный журнал / Отв. ред. М.С. Пестова; Урал. гум.ин-т. – Екатеринбург: УрГИ, 2015. – С. 84-89.*

11. Шкуропацкая М.Г. Моделирование национальной языковой картины мира русской и монгольской языковых личностей / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // *Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 311–329.*

12. Шкуропацкая М.Г. Национальная языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности монгольской и русской языковой личности / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20-24 июня 2016 г. /*

Отв. Ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 641-643.

13. Шкуропацкая М.Г. Национальная картина мира как компонент речемыслительной деятельности монгольской и русской языковой личности в сопоставительном аспекте / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // Язык, культура, межкультурная коммуникация [Хэл соёл, соёл хоорондын харилцаа]: V международная научно-практическая конференция. Улан-Батор, 2016. – С. 110-115.

14. Шкуропацкая М.Г. Звуковые ассоциации слов, обозначающих домашних животных в монгольском и русском языках: сопоставительный аспект / М.Г. Шкуропацкая, **Ундармаа Даваа** // Методология и практика научных исследований [Электронный ресурс]: тезисы докладов Международной научной школы-конференции (Бийск, 15-17 сентября 2017 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2017. – С. 44-45.